

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44
С18

Санд, Жорж.
С18 Зима с Шопеном : [перевод с французского] / Жорж Санд. —
Москва : Алгоритм, 2016. — 384 с. — (Мой любимый гений).

ISBN 978-5-906842-04-6

Зимой 1838 года Жорж Санд вместе со своими детьми и новым возлюбленным, чрезвычайно одаренным молодым человеком по имени Фредерик Шопен, приехала на солнечный остров Майорка.

Композитор был тяжело болен, и самая эксцентричная писательница своего века, Жорж Санд, надеялась, что теплый воздух Майорки излечит молодого гения. Эта зима послужила началом одного из самых странных романов XIX века. Железная леди, любящая облачаться в мужские наряды, и чрезвычайно ранимый композитор, способный упасть в обморок от дуновения ветра. Одни называли Шопена проклятием, другие – даром свыше.

Перед вами – исповедь величайшей писательницы XIX века, история любви Жорж Санд и Фредерика Шопена на фоне загадочной и прекрасной Майорки.

УДК 821.133.1-94
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-906842-04-6

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ГЕНИЙ

Жорж Санд

ЗИМА С ШОПЕНОМ

Редактор *Е.О. Мигунова*
Художественный редактор *Б.Б. Протополов*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.01.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906842-04-6

Жорж Санд

ЗИМА НА МАЙОРКЕ

Перевод Натальи Сидифаровой

Впервые повесть о путешествии на Майорку *Un hiver à Majorque*, написанная Жорж Санд после ее поездки со своими детьми и Фредериком Шопеном на этот остров, где они провели зиму 1838—1839 годов, была опубликована в ежемесячнике *La Revue de Deux Mondes* («Журнал двух миров») в 1841 году, а в 1842 году она была издана в виде однотомника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Предположительно пятьдесят лет назад два английских путешественника открыли долину Шамони, расположенную в Альпах, по крайней мере, так гласит надпись, высеченная ими на камне у подножия ледника Мер де Гляс.

С точки зрения географического положения этой миниатюрной долины подобное утверждение может показаться несколько преувеличенным, но вполне оправданным, если учесть, что те путешественники, чьих имен я сейчас не помню, первыми открыли эти романтические места поэтам и художникам, в том числе Байрону, который именно здесь задумал свою знаменитую трагедию «Манфред».

В широком смысле, с точки зрения моды, Швейцария стала открытием для светского общества или артистической богемы только в прошлом веке. Жан-Жак Руссо стал поистине Христофором Колумбом альпийской темы в поэзии, а также, как справедливо заметил месье де Шатобриан, родоначальником романтизма во французской литературе.

Возможно, мои достижения не столь значительны, чтобы претендовать на такое же бессмертие, какое заслужил Жан-Жак, но, учитывая тот известный опыт, который я имею, я бы, пожалуй, могла последовать примеру тех двух англичан, оставивших надпись в долине Шамони, и таким образом претендовать на роль первооткрывателя острова Майорка. Однако мир стал настолько взыскательным, что сегодня недостаточно просто высечь

свое имя на каком-нибудь балеарском утесе. Сегодняшняя аудитория ждет от меня подробного повествования или, по меньшей мере, достаточно художественного описания моего путешествия, которое было бы способно вызвать в читателе желание отправиться по моим следам. За все время пребывания в этой стране ко мне так ни разу и не пришло чувство восторженности, и я не буду претендовать на факт совершения открытия ни посредством скальных надписей, ни на бумаге.

Если бы я писала свое повествование тогда, под тяжестью одолевающих меня лишений и невзгод, едва ли было бы возможно вести описание своего открытия в восторженном тоне, и ни один мой читатель не поверил бы в то, что таковое имело место. Тем не менее сегодня я осмелюсь заявить, что да, имело — открытие Майорки миру художников как одного из красивейших мест на земле и одного из самых малоизвестных. Там, где живописать нечего, за исключением природных красот, литературные попытки их запечатлеть выглядят настолько ничемными и неуместными, что я к ним даже и не прибегала. Передать любителю странствий все величие и очарование природы можно только с помощью пера художника или резца гравера.

В моей памяти так и не пробудились бы сегодня воспоминания того далекого времени, если бы одним недавним утром я не нашла на своем столе занятный томик Ж. Б. Лорана¹ «Воспоминания о путешествии художника на остров Майорка».

Для меня было истинным удовольствием снова открыть для себя Майорку с ее пальмовыми деревьями, алоэ, памятниками арабской культуры и греческими одеждами. Я узнавала каждое описываемое в книге место по особой

¹ Жан-Жозеф Бонавентюр Лоран (Jean-Joseph Bonaventure Laurens) родился в городе Карпентра 14 июля 1801 года и умер в Монпелье 29 июня 1890 года, человек поистине универсального дарования — живописец, акварелист, гравер, а также музыкант, археолог, геолог и теоретик.

характерной для него поэтичности. И все воспоминания, уже давно забытые, или, по крайней мере, считавшиеся мною забытыми, воскресли в моей памяти. Любая лачуга, любая кустарниковая заросль пробуждали во мне, как теперь говорят, целую вереницу воспоминаний. Именно тогда во мне появились силы если не рассказать о своем путешествии, то, по крайней мере, перечитать воспоминания г-на Лорана, талантливого и трудолюбивого человека, виртуоза своего дела и мастера, снискавшего добрую славу. Присвоенные себе лавры первооткрывателя острова Майорки мне следует, несомненно, уступить ему.

Путешествие г-на Лорана в самое сердце Средиземноморья, к берегам, где море порой столь же неприветливо, как и жители, заслуживает гораздо большей похвалы, нежели пеший поход двух небезызвестных англичан к горе Монтанвер. И если наступят такие времена, когда цивилизованная Европа избавится от таможенных барьеров и полиции — прямого олицетворения недоверия и межнациональной неприязни, и когда от берегов Франции к берегам этого острова будут проложены прямые пароходные маршруты, тогда Майорка будет достойно конкурировать со Швейцарией, поскольку с появлением возможности добираться туда в считанные дни люди, безусловно, откроют для себя всю ту пленительную красоту, все то невиданное и потрясающее великолепие, которые станут новой духовной пищей для художников.

А пока, положив руку на сердце, я могу рекомендовать подобное путешествие исключительно тем художникам, которые обладают крепким физическим здоровьем и страстным характером. Безусловно, недалек тот день, когда любой самый изнеженный дилетант или просто хорошенькая барышня смогут так же легко и беззаботно приехать в Пальму, как они сегодня ездят в Женеву.

Г-на Лорана долгое время интересовали художественные работы г-на Тейлора, посвященные французским памятникам старины; и год назад ему пришла в голову идея собственными силами отправиться на Балеарские остро-

ва, о которых он имел настолько отдаленное представление, что, по его признанию, как только он ступил на эту землю, сердце его забилося от страха перед возможным крушением всех его светлых надежд. Но он не мог не найти здесь всего того, к чему он так стремился, и не воплотить в жизнь все свои замыслы, ибо, еще раз напомним, Майорка для мастеров живописи — это поистине Эльдorado. Здесь все живописно — от самой скромной крестьянской хижины, сохранившей в себе особенности жилищ времен арабского завоевания, до одетого в лохмотья ребенка, чья горделивость даже его рваной одежде придает благородство (подобное сравнение использовал Генрих Гейне в своем описании торговки овощного рынка в Вероне). Местному ландшафту, отличающемуся от североафриканского ландшафта более обильной растительностью, присущи те же широта, спокойствие и простота. В нем зеленые тона пейзажей Гельветии (латинское название Швейцарии — *Прим. ред.*), насыщенные светом калабрийского солнца, и вместе с тем торжественность и таинственность Востока.

В Швейцарии несущиеся отовсюду бурные потоки и бесконечно плывущие облака создают впечатление изменчивости тонов или, другими словами, впечатление непрекращающегося движения, которое средствами живописи не всегда можно достаточно полно воспроизвести; здесь природа как бы насмехается над художником. На Майорке же она его как будто зовет или манит. Растения могут принимать несвойственные им причудливые формы, однако не имея при этом беспорядочного излишества, подобного тому, за которым порой становятся невидимы особенности швейцарского пейзажа. Вот на фоне яркого неба вырисовывается неподвижный контур горной вершины; вот пальма склонилась над обрывом, не позволяя своенравному морскому ветру трепать свою роскошную шевелюру; даже самый корявый кактус, под стать всему остальному, будто позирует на обочине дороги так, что нельзя оторвать глаз.

Вступлением к моему дальнейшему повествованию будет попытка дать краткое определение самому главному острову из Балеар, наподобие тех, какие содержатся в географических справочниках. Это не так просто, как кажется, особенно когда приходится собственными силами разыскивать необходимые сведения в недрах самой страны. Осторожность, свойственная любому испанцу, так же как и недоверчивость, свойственная любому островитянину, настолько велики, что ни один иностранец не застрахован от риска оказаться «тайным агентом», обратиться он здесь к кому-либо даже с самым невинным вопросом. Добропорядочный г-н Лоран был в буквальном смысле арестован одним таким бдительным начальником за правонарушение, которое заключалось в том, что он посмел сделать набросок понравившейся ему разрушенной крепости. Ему было предъявлено обвинение в зарисовке плана оборонительного сооружения. После чего наш путешественник зарекся никогда не приступать к пополнению своего альбома очередным эскизом, предварительно не убедившись, что находится за пределами расположения объектов, являющихся местами заключения государства Майорка. Соответственно, он внимательно следил за тем, чтобы все его вопросы сводились лишь к месторасположению троп, ведущих в горы, и чтобы единственным документальным источником, к которому он обращался, были собственно каменные руины. За четыре месяца, проведенные на Майорке, мне бы так и не удалось собрать больше сведений, чем удалось собрать ему, если бы не та скромная информация об этой географической территории, которую мне удалось раздобыть. Однако эти источники породили во мне множество сомнений. Все эти устаревшие труды зачастую противоречили друг другу. Истории, рассказанные путешественниками, были, как правило, настолько претенциозны и неуважительны по отношению к свидетельствам друг друга, настолько много в них содержалось взаимных обвинений

в представлении неверных сведений, что возникало желание внести свои собственные исправления в допущенные ими ошибки, тем самым рискуя, в свою очередь, совершить еще больше новых. Далее следует составленная мною статья для географического справочника. Но для начала, как и подобает истинному путешественнику, я заявляю, что мое описание, безо всяких сомнений, превосходит все другие, ранее имевшие место.

«То единственное на берегу, что привлекло мое внимание, оказалось развалинами некоего сооружения цвета темной охры, которые были окружены живой изгородью из кактусов. Это была крепость Соьер. Едва я успел сделать в своем рисунке несколько штрихов, как увидел четверых мужчин, решительно направляющихся ко мне. Выражение их лиц было скорее пугающим, чем приветливым. Оказалось, сделав зарисовку плана форта, я преступил законы королевства. И через мгновение этому форту предстояло стать местом моего заключения.

Мои попытки объяснить на испанском языке этим людям всю абсурдность их обвинения оказались неубедительными. Я вынужден был обратиться за помощью к французскому консулу в Сойере. Но, невзирая на оказанное им содействие, я продолжал оставаться арестантом на протяжении трех мучительных часов под охраной сеньора Sei-Dedos [«Шесть Пальцев»], коменданта крепости, истинного дракона Гесперида. [Гесперида (миф.) — дочери Геспера, прекрасные хранительницы золотых яблок. Гесперида жили в саду, в котором росла чудесная яблоня. Сад стерег дракон Ладон.] Несколько раз я испытывал искушение сбросить в море это подобие дракона, вырядившееся в свое обмундирование, с высоты его бастиона. Но каждый раз его внешний вид обескураживал меня. Если бы я обладал талантом Шарле, я бы скоро-

тал время, изучая этот потрясающий типаж для своей будущей карикатуры. В конце концов я простил ему его слепое служение на благо отечества. Не было ничего противоестественного в том, что этот бедняга, не знавший иной радости, кроме как, устремив взор в морскую даль, затянуться сигарой, ухватился за предоставленный мною редкий шанс, чтобы хоть как-то скрасить свое однообразное существование. Позже, вернувшись в Соьер, я уже не мог без смеха вспоминать о том, как я недавно побывал врагом отечества и конституции» (из «Воспоминаний о путешествии художника на остров Майорка» Ж. Б. Лорана).

Глава II

Современное название острова Майорка (Mallorca) — это видоизмененное название *Balearis Major* («Главный» из *Балеар*), которое использовали в своем языке римляне и которым еще пользовался г-н Лоран; вместе с тем доктор Хуан Дамето, корифей майоркинской исторической науки, утверждает, что в древности он был известен как *Clumba* или *Columba*. Столица острова всегда именовалась как «Пальма», а не как «Майорка», вопреки широко распространенному среди географов мнению.

Из всего Балеарского архипелага этот остров самый большой, его земли самые плодородные. Все это свидетельствует о том, что некогда он был частью материка, низинные земли которого постепенно были затоплены водами Средиземного моря, а также о том, что в этом самом месте некогда соединялись между собой Испания и Африка; поэтому особенности обеих сочетаются в климате и природе острова. Он расположен на расстоянии приблизительно 25 лье к юго-востоку от Барселоны, в 45 лье от африканского побережья в его самой ближайшей точке, и, по моим подсчетам, в 95 или 100 лье от Тулонской

гавани. Его площадь составляет 1234 квадратные мили¹, протяженность внешних границ — 143, расстояние между наиболее удаленными точками — 54 мили, минимальная ширина — 28. Население, которое в 1787 году составляло 136 000 человек, сегодня составляет приблизительно 160 000. Сегодня в Пальме проживает 36 000 жителей, а по сведениям на тот год проживало 32 000².

Температура неодинакова в разных частях острова. В равнинной части лето всегда знойное, но горная цепь, протянувшаяся с северо-востока на юго-запад (в том направлении, которое указывает на бывшую территориальную принадлежность острова одновременно и к Африке, и к Испании, и чьи самые далеко выступающие в направлении острова участки суши тоже свидетельствуют об этом), оказывает большое влияние на зимнюю температуру. По сведениям, предоставленным Мигелем де Варгасом, был случай, когда в январе, во время суровой зимы 1784 года, температура в районе бухты Пальмы упала до 6 градусов выше точки таяния льда по шкале Реомюра³. Несколько раз она поднималась до 16-градусной отметки, однако в основном температура составляла 11 градусов. Последнее из перечисленных показаний соответствует средней температуре. Именно такая температура как раз и держалась на протяжении почти всей той зимы, которую мы провели в горах Вальдемосьы — одной из самых холодных точек на острове. Самыми суровыми ночами, когда толщина снежного покрова достигала двух дюймов, термометр показывал 6—7 градусов. К восьми часам утра температура

¹ Миля — единица длины, различная в разных странах; английская миля, сухопутная миля равна 1609 м, географическая миля, морская миля равна 1853 м.

² Согласно описанию Мигеля де Варгаса (издание 1787 года, Мадрид). (Прим. авт.)

³ Шкала Реомюра — температурная шкала, в которой опорными точками являются точка таяния льда (0 °R) и точка кипения воды при нормальном атмосферном давлении (80 °R), а величина градуса определяется как восьмидесятая часть интервала между опорными точками.

поднималась до 9—10 градусов, а к полудню — до 12—14. Как правило, примерно в три часа, когда солнце для нас уже заходило, прячась за вершины гор, температура резко опускалась до 9 и даже 8 градусов.

Северные ветры здесь порой дуют с неистовой силой. Случалось, что зимние дожди бывали такими обильными и затяжными, каких мы во Франции даже не можем себе вообразить. В целом климат благодатный и щедрый на всей южной территории, обращенной в сторону Африки, которую заслоняет от сильных северных ветров горная цепь, протянувшаяся через среднюю часть острова, а также северный скалистый берег. Таким образом, поверхность острова имеет уклон с северо-запада на юго-восток, что делает судоходство невозможным на севере из-за многочисленных ущелий и скал, встречающихся сплошь, вдоль всего побережья — такого *escarpada y horrosa, sin abrigo ni resguardo* (...обрывистого и опасного, где невозможно укрыться или спастись от стихии. — *Прим. ред.*) (Мигель де Варгас), но в то же время делает его безопасным и надежным на юге.

* * *

Несмотря на часто случающиеся ураганы и суровость местности, в древности Майорку справедливо называли «золотым островом». Ее земли высокоплодородны, а произрастающие на них плоды имеют отменное качество. Местная пшеничная мука — это чистейший и превосходный продукт, который местные жители экспортируют в Барселону, где из нее выпекают белую, пышную сдобу, называемую *pan de Mallorca*, то есть «майоркинская выпечка». Та, более дешевая и более низкого сорта, мука, из которой майоркинцы выпекают свой собственный хлеб, — это привозная, галисийская или бискайская мука. Иными словами, в стране, богатой необыкновенными урожаями пшеницы, люди едят совершенно несъедобный хлеб. Не знаю, предусматривает ли действительную выгоду такой подход к вопросам торговли.

В своем отношении к делу, которое присуще фермерам наших центральных провинций с невысоким уровнем развития сельского хозяйства, проявляется вся их твердолобость и невежество. Эта же особенность в еще большей степени свойственна майоркинцам, которые, невзирая на все усердие, до сих пор имеют у себя сельское хозяйство в самой начальной стадии развития. Я не встречала другой такой земли, которая бы возделывалась столь педантично и в то же время столь малоэффективно. Жителям острова неведомы даже простейшие механические приспособления — все обрабатывается вручную. При этом все делается чрезвычайно медленно. Производительность ручного труда местных тружеников, на вид худощавых и немощных в сравнении с нашими, чрезвычайно низкая. Даже за полдня им не под силу вскопать столько земли, сколько нашим фермерам несложно вскопать за пару часов, а сдвинуть с места ношу, которую лихо вскидывает на плечо наш самый обыкновенный грузчик, здесь под силу только пятерым — шестерым здоровым мужчинам.

При полном отсутствии энтузиазма в своем отношении к делу, все майоркинцы хозяйственны и, судя по всему, умеют вести хозяйство хорошо. Как утверждают жители острова, они никогда не знали нужды. Однако, одаренные всеми сокровищами природы, под самым прекрасным небом, они, как это ни печально, влачат несравнимо более тяжелое и унылое существование, чем наши фермеры.

У большинства путешественников складывается ошибочное представление о жизнерадостности южных народов, чьи лица и яркие красочные костюмы они видят в солнечные воскресные дни и чьи безыдейность и недалекость производят на них впечатление счастливой безмятежности деревенской жизни. Это заблуждение. Я раньше тоже заблуждалась на этот счет, но после того, как увидела Майорку, уже никогда более таких заблуждений не допускала.

Невозможно себе представить ничего более грустного и жалостного, чем умеющего лишь молиться, петь и ра-

ботать крестьянина, неспособного мыслить. Его молитва — это тупо повторяемый набор слов, который никак не способствует исцелению его души. Его труд — это работа для мышц, облегчить которую он мог бы научиться, если бы заставил работать свой мозг. Его песня — это выражение угрюмой меланхолии, которая одолевает его и о существовании которой он даже не догадывается, так же как и не замечает, насколько его песня поэтична по своему воздействию для нас. Если бы иногда этих людей не охватывала суета, которая разнообразит их вяло текущее существование, и не пробуждала бы в них желание потанцевать, все их местные праздники были бы целиком посвящены сну.

Однако я отклонилась от существа дела. Я совсем забыла, что согласно сложившимся строгим предписаниям, географическое определение должно, в первую очередь, содержать сведения о производственной и торговой деятельности, а описание человека как вида должно приводиться в последнюю очередь, после перечисления сортов зерновых культур и пород сельскохозяйственных животных.

Во всех географических изданиях, посвященным Баlearам, к которым я обращалась, мне встречалась следующая формулировка, с достоверностью которой я пока соглашусь, но оставляю за собой право позднее высказать свое мнение по поводу мягкости сказанного: «Обитатели острова вполне дружелюбны (как известно, обитающие на каждом острове люди делятся на два вида — на тех, кого называют каннибалами, и тех, кого принято называть „вполне дружелюбными“). Они добры, гостеприимны; преступление здесь большая редкость, понятие „кража“ им неведомо». И к вопросу о справедливости данного определения я еще вернусь.

Итак, прежде всего, следует сказать о продукции. Насколько мне известно, недавно в Парламенте прозвучали определенные высказывания (весьма неосторожные) по поводу возможной оккупации Майорки французами, и смею предположить, что если бы этот текст случайно попал в руки кому-нибудь из членов Парламента, то послед-